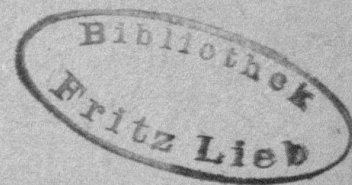

L 150

Христіанская мысль

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Lieb 7 211

ЯНВАРЬ 1917.

КІЕВЪ.

+52,240

Каталог

Памяти В. Ф. Эрна.

(Рѣчь въ засѣданіи Московскаго религіозно-философскаго общества
памяти В. Ф. Эрна 22 мая 1917 года).

Человѣкъ, уходящій изъ міра, оставляетъ за собой свои дѣла, но уноситъ живую тайну своего лица, загадку своей духовной личности въ ея единственности и неповторяемости. И невольно хочется на этихъ первыхъ поминкахъ ушедшаго друга, когда свѣжа еще душевная рана, говорить не о „вкладѣ“ и дѣлѣ, не объ идейныхъ заслугахъ, но о немъ самомъ. Нуженъ не панегирикъ, но внимательное всматриваніе и любовное вслушиваніе въ музыку его души. Хочется, хотя робко и неумѣло, запечатлѣть черты его лица, зарисовать духовный контуръ. Задача трудная и деликатная, къ которой приступаешь робѣя, но только объ этомъ я и хотѣлъ бы сегодня говорить.

Индивидуальная стихія всегда многосложна и многослойна. Въ духовномъ обликѣ В. Ф. Эрна особенно явственно выступали два слагаемыхъ, двѣ краски, которыя не смѣшиваясь лежали рядомъ и своими переливами давали живописную игру. Можетъ быть, это были и двѣ смѣшавшіяся крови,—одна явно нерусская, — В. Ф. по фамиліи и по отцу происходилъ изъ шведскаго рода,—другая же русская, точнѣе славянская. Смѣшеніе кровей не только даетъ таланты, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ біографіи большинства русскихъ писателей (Державинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ и др.), но ихъ до извѣстной степени и опредѣляетъ: что получилось бы изъ Жуковскаго, если бы отнять у него мечтательную созерцательность турецкой Шехеразады, а у Пушкина его арабскую огненность, у Лермонтова шотландскую сумрачность? Въ Эрнѣ шведское начало было волевое, опредѣляющее эмпирическій характеръ, въ отличіе отъ духа, Психею. Общественный дѣятель, борець и полемистъ, рыцарь и крестоносець въ немъ принадлежали къ шведскому ордену. Напротивъ, вдохновенный созерцатель святой Руси, читатель Афродиты и Эроса-славянинъ по крови и душѣ. И однако первое неразрывно соединялось со вторымъ, а второе укрывалось подъ защиту перваго. Однажды на выставкѣ Чурляниса, увидавъ его картину „Мысль“, я былъ пораженъ, до чего она выражаетъ эту особен-

ность духовнаго облика Эрна: изъ подъ тяжелой брони какого-то несокрушимаго чугуннаго массива свѣтится бѣлое, чистое, ясное, кроткое и мудрое пламя.

Духовному облику Эрна была свойственна черта глубокаго внутренняго спокойствія и увѣренности: казалось, онъ не зналъ сомнѣній; быть можетъ, и потому, что не умѣлъ сомнѣваться. Онъ былъ безстрашенъ: и быть можетъ, не потому только, что не зналъ страха, но не зналъ и страшнаго. Онъ былъ незлобивъ и чистъ: и быть можетъ не потому только, что побѣждалъ грѣхъ духовнымъ подвигомъ, но и потому, что грѣхъ не имѣлъ надъ нимъ соблазняющей своей власти, а на своемъ духовномъ пути онъ не встрѣтился со зломъ.

Какъ Иракль переходя отъ подвига къ подвигу, отъ чудовища къ чудовищу, въ сущности оставался ребенкомъ—исполиномъ какъ Зигфридъ, сердцемъ чистый, *der heilige Jhog*, Владиміру Францовичу была присуща какая-то первозданная, полученная имъ при рожденіи простота и ясность сердца, благодаря которой его путь былъ кремнистъ, но ясенъ и прямъ. Въ немъ не было ни сложности, ни изломовъ. Онъ нашель себя сразу не ища, былъ данъ себѣ. При своемъ благородствѣ и чистотѣ, исключавшихъ у него самую возможность пошлаго, низкаго, при совершенно исключительной способности къ дружбѣ, при талантѣ дружбы, онъ могъ проявлять нѣкоторую слѣпоту именно къ началу зла въ человѣкѣ, и тяжело за это платился. Зато бессильна оказывалась противъ него тягость жизни съ ея пошлостью и грязью: она иногда его омрачала, но лишь, какъ легкая рябь кристально-прозрачную глубину.

Въ этой душѣ не было трагическаго раздвоенія или надрыва, гамлетизма и изнурительнаго самоанализа, какъ не гдѣ было помѣститься и подполью: она была ясна и проста и цѣлостна, пребывая какъ бы въ состояніи до грѣхопаденія. Мало того. Наблюдая его болѣе 10 лѣтъ и сопоставляя мнѣ извѣстное изъ болѣе ранняго прошлаго, я долженъ не безъ нѣкотораго удивленія признать, что Вл. Ф-чу было вообще несвойственно развитіе, если подъ этимъ понимать перемѣну, выявленіе и опознаніе себя во времени, чрезъ движеніе въ немъ. Конечно, всякая индивидуальность въ кривой своего пути выявляетъ свою собственную орбиту, и ее можно духовно увидѣть, синтезируя время, какъ черты живого лица. Но, повидимому, при этомъ есть два типа: одинъ опредѣляющійся по горизонтали, временнымъ выявленіемъ, а другой по вертикали, углубленіемъ изначально уже данныхъ чертъ. В. Ф. болѣе приближался ко второму типу. Насколько мнѣ удалось узнать изъ разговоровъ съ нимъ, всегда, по крайней мѣрѣ, уже съ гимназической скамьи, когда закономѣрно наступаетъ нѣкоторое духовное буйство, невѣріе, сомнѣніе, онъ былъ неизмѣнно вѣрующимъ, крѣпкимъ христіаниномъ.

И съ тѣхъ поръ, какъ я его узналъ, (около 1904 года) я нашелъ въ немъ -юношѣ всѣ тѣ идеи и мотивы, которые потомъ обнаруживались въ его творествѣ. Они созрѣвали и углублялись, но не измѣнялись. Ранняя смерть, безжалостно перервавъ нить его трудовъ, унесла много недосказанныхъ и не высказанныхъ словъ, но, думается, не было словъ несказанныхъ, кромѣ того, что несказанно и несказуемо. Люди потеряли отъ этого, но въ его духѣ было уже зарождено—и не только зарождено но и родилось то существенное, для чего онъ былъ призванъ, душа узнала и нашла самое себя. Я подхожу здѣсь къ интимнѣйшей и отвѣтственнѣйшей точкѣ этого опредѣленія, гдѣ можно сослаться только на свое личное самоощущеніе. Но оно говоритъ: смерть В. Ф-ча была трагически преждевременной лишь въ смыслѣ эмпирическихъ свершеній, она вырвала изъ строя Борца самага смѣлаго и мужественнаго. Но духовный смыслъ ея какъ то начинаешь понимать безъ протеста: онъ для себя уже созрѣлъ. И онъ былъ настолько безстрашенъ, чтобы смѣлымъ порывомъ вѣры первымъ изъ дружескаго круга ринуться въ тѣ врата, передъ которыми все еще трепетно останавливается сердце. Онъ тамъ передовой, ибо уже совершилъ для себя въ предѣлѣхъ земного все земное. Онъ не терялъ времени *на блужданья*, онъ сразу нашелъ себя и началъ себя утверждать. Время для него было *сгущеннымъ* а потому оказалось и короткимъ. Конечно, такъ судить можно только *post factum*; никогда человѣческая мудрость не въ состояніи опредѣлить тотъ моментъ, когда созрѣетъ голосъ духовный. Но совершившееся понимается такъ.

Всматриваясь въ духовное лицо В. Ф. все яснѣе начинаешь различать эту его шведско-славянскую двойственность. И самое замѣчательное здѣсь то, что она даетъ и сложный метафизическій возрастъ и сложную половую характеристику. Шведская психія его, этотъ негибкій, прямолинейный почти жесткій характеръ отличается полной возмужалостью, и это бросалось въ глаза съ особенной силой въ его юношескій возрастъ, когда эта волевая оболочка казалась порой забронированностью, непроницаемостью, граничащей съ глухотою. Атлетическая мускулатура воли, дававшая ему такое спокойствіе силы, воспринималась въ немъ какъ нѣчто нерусское, чуждое женственному зыблющемуся, расплывающемуся нашему облику. И, кромѣ того, мнѣ всегда казалось, что эта защитная броня есть нетворческое начало въ его духѣ, а только служебное и притомъ иногда вяжущее. Напротивъ, духъ Вл. Ф-ча, источникъ его творчества и вдохновеній, свѣтильникъ мира и радости, имѣлъ безспорно юношескій, почти отроческій возрастъ, соответствующій порѣ окрыленности и горѣнія. Это, по платоновскому *Федру*, та пора, когда пробиваются перья крыльевъ души и испытывается эротическій зудъ. И именно эта юность духа дѣлала В. Ф-ча философскимъ поэтомъ Эроса и Афродиты.

Начало волевой мужескости, соответствующее въ немъ шведской стихіи, имѣеть само по себѣ подпочвенное сродство съ германскимъ женоненавистничествомъ, безженностью, небрачностью, насильничествомъ германскаго духа. Оно давало Вл. Ф-чу возможность внутренняго опыта для опознанія того протестантскаго начала, сущность котораго состоитъ въ отрывѣ отъ души міра, Вѣчной Женственности, что обнаруживается въ невѣрїи въ Богоматерь и всяческомъ иконоборствѣ. Его увидалъ, повялъ и возненавидѣлъ—конечно, духовной ненавистью—Вл. Фр., какъ только осозналъ себя. Въ германскомъ соблазнѣ онъ позналъ величайшую духовную опасность для русской души. И позже, когда эта опасность стала ясна для всѣхъ съ началомъ войны, онъ только рѣзче и рѣшительнѣй выявилъ это свое знаніе, засвидѣтельствовавъ, что Германія закономерно движется отъ Лютера чрезъ Канта къ Круппу. Германская стихія вампиризма и насильничества есть мужская сила не умѣряемая и не увлажняемая женскимъ началомъ, разъединенность обоихъ началъ, духовная безбрачность. Отсюда это міроощущеніе призрачности, идеализма и соотносительнаго съ нимъ механическаго материализма. Вотъ почему Кантъ соотносителенъ Круппу и Гинденбургу,—идеализмъ торжеству механизма и милитаризма. Все это Вл. Ф-чу открывалось не только чрезъ изученіе исторїи философіи и культуры, но и чрезъ внутренній опытъ, я готовъ сказать, чрезъ его шведскую кровь, которая одновременно и родственна съ германской, тронута ея протестантской тинктурой, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и отлична отъ нея: здѣсь есть вражда кровныхъ родственниковъ, духовно разошедшихся въ разныя стороны, но сохранившихъ способность видѣть и понимать другъ друга изнутри.

Въ частности наибольшее отталкиваніе вызывало въ Эрнѣ то своеобразное мужское хлыстовство, оргіазмъ силы и насильничества, пьянность человѣчности въ протестантской религіи, въ философіи, въ наукѣ, въ техникѣ, въ войнѣ, какая составляетъ наиболѣе глубокую черту внѣшне трезваго германства. Это хлыстовское изступленіе и есть паѣосъ германскаго милитаризма, воли къ власти, къ міродержавству, міровой его Dngang. И именно это мужское хлыстовство Германїи соблазняетъ, одуряетъ Русь чрезъ ея стихію женскаго хлыстовства, на которую оно дѣйствуетъ какъ пожарный на кухарку. По разному можетъ титуловать себя эта русская Матрена.: неокантианство, марксизмъ, большевизмъ, ленинство и т. д. Все это русскія мухи, бьющіяся въ паутинѣ нѣмецкаго паука. И вотъ эту то паутину съ прямолинейностью, до извѣстной степени заставляющей вспомнить и о германской крови, хотѣлъ разорвать и прорвать В. Ф. всѣми способами.—Онъ дѣлалъ это и чрезъ исторію философіи: ибо писалъ-ли онъ о Сковородѣ или Джоберти или прагматизмѣ или о чемъ угодно, все это имѣло одинъ паѣосъ: надо бороться съ новѣйшимъ варварствомъ, осуществляемымъ въ Германїи. Это же въ популярной формѣ онъ развивалъ въ публицистикѣ послѣднихъ лѣтъ, времени войны.

Тѣмъ же самымъ органомъ, какимъ онъ любилъ и благословлялъ античную, средневѣковую и русскую культуру, онъ враждовалъ и боролся съ германской или, шире, новоевропейской. Если мѣрять по минувшимъ эпохамъ, то онъ былъ романтическій реакціонеръ; если же по духовнымъ учрежденіямъ, то онъ опередилъ „новое время“ и былъ для него поэтому чуждъ.

Мужеское и возмужалое начало въ Эрнѣ было воинствующимъ, дѣлало его неистовымъ Ареемъ, Геракломъ, не боящимся никакихъ Лернейскихъ Гидръ. Но не оно, на мой взглядъ, было источникомъ его прозрѣній и созерцаній, не это дѣлало его вдохновеннымъ чителемъ Афродиты и глашатаемъ Эроса, и не оно открывало его душѣ сокровища русской души и ея христіанскія святыни, солнечное явленіе преподобныхъ Сергія и Серафима. То было другое, юношеское начало, которое находилось даже въ нѣкоторой связанности у перваго; различіе возрастовъ обѣихъ стихій души было причиной какого-то несоотвѣтствія, нѣкоторой дисгармоніи въ обликѣ Эрва. Двоилось и отъ него впечатлѣніе въ зависимости отъ того, какая изъ двухъ стихій сильнѣе воспринималась. И этотъ юноша, нѣжный, чистый, цѣломудренный имѣлъ очень юный почти отроческій возрастъ, соотвѣствующій порѣ едва пробуждающейся любви, когда созерцаются уже явленія Афродиты и вырастаютъ крылья для эротическихъ взлетовъ, но настоящая любовь еще не испытана. Афродита является какъ мечта, остается трансцендентнымъ видѣніемъ, созерцаніемъ, и крылатый богъ узнается въ изступленіи юношескаго экстаза. Чтобы договорить свою мысль до конца, съ рискомъ ее огрубить, я скажу, что это пора самаго ранняго жениховства, однако еще до брачнаго возраста. Здѣсь не достигнута брачность духа, вполнѣ раскрывшаго свою полярную раздвоенность, и притомъ всетаки остается преобладаніе мужеской стихіи, Арея, который только созерцаетъ, но не позвалъ Афродиту. Суровое и жесткое начало возмужалой мужественности умѣрялось и парализовалось въ Эрнѣ этой юностью, но и эта юность была тоже мужеская. Здѣсь есть нѣчто античное Платоно-Алкивіадовское,—въ этомъ однополомъ складѣ души, и это показываетъ, что влеченіе Вл. Ф. къ античности тоже имѣло своеобразную эротическую основу въ строеніи души.

Но эта чистая, свѣтлая, эротическая юность, вопреки и въ противоборствѣ съ возмужалой мужескостью сдѣлала его философію эротическою или, что тоже, сдѣлала его поэтомъ въ философіи или чрезъ философію. Она открывала ему таинства природы, являла ее какъ вселенскую Афродиту, какъ космическую Церковь и вполтную подводила его къ тайнѣ женскаго начала въ божественномъ его ликѣ. Есть какой то глубокий смыслъ не только въ томъ, что В. Ф. высшимъ замысломъ своей жизни, который согрѣвалъ изнутри и осмысливалъ всѣ его работы, почиталъ книгу объ Афродитѣ Небесной, но такъ

же и въ томъ, что ему не дано было ее написать: если вѣрна выше изложенная характеристика, то онъ оставался отъ нея всегда на неощутимомъ, и однако реальномъ, непреходимомъ разстояніи,—созерцаль и любилъ, но извнѣ, трансцендентно, самъ оставаясь однополь (насколько это вообще возможно). Если выразиться на языкѣ А. Н. Шмидтъ, то приходится сказать, что онъ былъ мужской нечетный духъ, сложнаго возраста, юношески возмужалый одновременно лѣтъ примѣрно 17-и 40-а.

Мнѣ кажется, что къ тайнѣ русской души и откровеніямъ русской стихіи Вл. Ф. подходилъ изъ православія и чрезъ православіе, а не наоборотъ. Потому, между прочимъ, въ его православіи были сильнѣе подчеркнуты тона вселенскаго христіанства, нежели русской національной вѣры: языческая русская стихія, то, что можно назвать въ насъ православное язычество или языческое православіе, не было для него раскрыто въ равной степени, но именно это дѣлало его отзывчивѣй и чутче къ европейской культурѣ, дѣлало его органически западнѣе. И въ душѣ его совершилось одно событіе, имѣющее не біографическое только, но культурноисторическое, духовное значеніе: въ немъ эллинская стихія встрѣтилась съ русскоправославной и осознала себя съ нею въ духовномъ родствѣ. Обнажилась сокровенная глубина православно-русской природы и оказалось, что на днѣ ея бьетъ ключъ чистѣйшаго Эллинизма, что не только православіе мы приняли изъ Византіи, но и душу какъ-то сроднили съ Элладой. Оказалось, что православные русскіе и суть новые Эллины, хоть о томъ почти еще невѣдушіе. Осознаніе этого сродства, которое было совершенно чуждо старому славянофильству съ его мѣстнымъ національнымъ самосознаніемъ, есть дѣло нашего поколѣнія, совершилось на нашихъ глазахъ, чрезъ нашихъ сверстниковъ, современниковъ: это Вяч. Ивановъ, св. П. А. Флоренскій, Вл. Ф. Эрнэ. Конечно, это назрѣвало уже въ предыдущемъ поколѣніи, у отцевъ нашихъ: Вл. Соловьева съ кн. С. Н. Трубецкимъ чрезъ философію, въ Ѳ. М. Достоевскомъ, конечно, связаннымъ здѣсь съ Пушкинымъ чрезъ нѣкое элевзинское посвященіе въ таинства Деметры, а еще отдаленнѣе отъ Сковороды. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о вліяніи идей и не объ эллинизмѣ, какъ увлеченіи классическими древностями и ихъ изученіи (здѣсь, конечно, впереди стоитъ все же Германія), но о воспріятіи эллинскаго духа какъ начала живого и культурно животворнаго. То, о чемъ я говорю здѣсь, есть почти предчувствіе и многимъ покажется увлеченіемъ, пусть такъ. Но лишь въ этомъ свѣтѣ получаетъ свою надлежащую оцѣнку и явленіе Эрнэ съ его усиливавшейся тягой къ Платону и эллинизму, съ его моноидеизмомъ о платоновой музѣ, съ его видѣніемъ Афродиты. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ эллиновъ въ душѣ, и есть явленіе вѣщее, пророческое для будущаго русской культуры. И это вовсе не языческій ренессансъ, какой пере-

жилъ западъ, не отреченіе отъ христіанства подь предлогомъ классицизма, но исполненіе православія и его правды, ибо античность есть языческой ветхій завѣтъ по отношенію къ христіанству, а болѣе всего къ эллинскому православію. И живое мистическое русское православіе должно рано или поздно опознать себя и съ этой стороны. И что самое замѣчательное, однимъ и тѣмъ же души, тою же ея глубиной онъ постигалъ и откровенія эллинства, и свѣтоносную бѣлизну святости Серафимовской, и музыку видѣній Беато Анжелико, и гимнь Франциска Ассизскаго, и все это сливалось въ его душѣ въ мировую симфонію, въ хвалу міру и его Славѣ, Славѣ земли Невѣстѣ Неискусомужной, Дѣвѣ Матери, коей языческой іероглифъ благочестивые эллины начертали въ сложномъ образѣ Афродиты — Деметры. И что самое важное, это соединеніе въ немъ было не программа, не доктрина, но духовная реальность, фактъ исторіи духа, который мы и должны достойно постигнуть. То, о чемъ говорить „новое религиозное сознаніе“ теоретически программно, здѣсь въ извѣстной мѣрѣ становилось уже фактомъ. Явленіе Эрна есть уже одно изъ такихъ свидѣтельствъ сдвига, происходящаго въ религиозныхъ нѣдрахъ міра, назрѣвающихъ новыхъ откровеній о святой плоти, Царствѣ Духа, пришествіи Утѣшителя. И жизнь, и смерть его утѣшаютъ насъ этимъ утѣшеніемъ, ибо пріоткрываютъ даль всеобщаго мирового Утѣшенія.

И въ первомъ моемъ впечатлѣніи при первомъ знакомствѣ при жизни его, и въ послѣднемъ воспріятіи отъ мертваго лика одинаково ощущалось вѣяніе бѣлаго, аполлиническаго луча, на немъ игравшаго. Что то было здѣсь неуловимое, то, о чемъ сказано въ Книгѣ: „побѣждающему дамъ вкушать сокровенную манну и дамъ ему бѣлый камень и на камнѣ написанное новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ“ (Апок. 2, 7).

Сергій Булгаковъ.